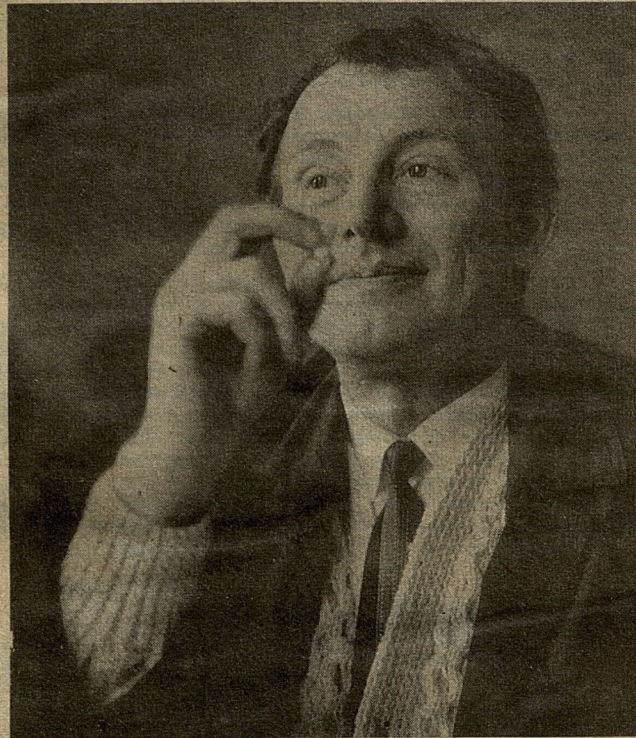

Невеста для князя Мышкина

Разумеется, никакая она не невеста, а просто ученая дама-киновед («киноведьма» — сама о себе) из Венгрии Анне Гереб. И он не князь, а Иннокентий Смоктуновский, хоть и считающий роль Мышкина главной для себя и самой трудной в мировом репертуаре, не исключая и Гамлета. Тем не менее и упорная страсть, и муки, и радости — все было в их романтической истории длиною в полтора десятка лет, чем, согласитесь, не всякая земная любовь и семья может отличиться. И даже вполне законно рожденное прелестное «дитя» — книга об актере. Собственно, и сделавшая достоянием широкой гласности факт этой «семьи» гонорис кауза в культуре, мир которой без подобных феноменов трудно было бы считать подлинно человеческим...

Стыдливо сияющие от счастья, как и подобает в таких случаях, автор и герой книги подарили всем собравшимся в тот неповторимый вечер в Культурном центре Венгрии на Мытной столь пыльные и восторженно-бессвязные откровения, что нечего и пытаться передать их иначе, чем слово в слово:

— Вы понимаете, что мне до сих пор не верится, что она родилась, осуществилась!

Ах, князь! Если бы вы не были таким человеком — бесконечно нежным и милым, то я бы все равно написала ее, но хуже...

— А почему же вы все-таки написали бы?

— Потому что вы красивый, но жестокий...

— Меня больше устраивает первая часть фразы...

— Ах, я так волнуюсь, что лучше уж буду говорить только холодные факты... Да и было тогда холодно, так холодно в тот вечер, когда я охотилась за лишним билетиком на «Царя Федора...» Что сказать? Все мои ожидания оправдались! Я пережила такое же, что и у Шекспира, Микеланджело, на фильмах Чаплина... Это был катарсис: счастье и горе — одновременно. Откуда? Ведь все классики и гении были давно, а тут — среди нас...

— Дорогая, разве вы не знали, что я закрыл две книги и один фильм о себе? Ввиду того, что там встречались оценки, от которых мне просто было бы стыдно? Вы можете представить — кто-то идет и говорит: «Вот идет гений!» Как прикажете жить после этого? На уровне таких оценок? Они дело временных, и хорошо бы — как можно более отдаленного! А? А?!

— Но я еще в студенческие годы решила, что жизнь коротка, и я не буду зани-

маться всякими средними людьми. Выберу 3—4 гениальных, в том числе и Смоктуновского. Но я нигде не пишу, что вы гений...

— И напрасно...

— А это и так выйдет по прочтении — как сухой факт. Хотя у нас в Венгрии нет традиции оценивать работу актера как самостоятельного носителя содержания — только как исполнителя. А вы есть главное всегда — без различия, кто режиссер, кто автор...

— Дорогая, может создаться впечатление, что вы очень скромный, тактичный человек и очень цените время своих жертв. Но есть еще одна подобная книга чудовищного человека о чудовищном человеке — книга Троцкого о Сталине. И это был первый случай в мировой литературе, когда герой убивает своего автора. У нас была несколько другая ситуация: я три раза был в Венгрии и не видел Будапешта. Потому что там живет Анне Гереб. Только соберусь куда-нибудь — «Ты куда?» — «В музей...» — «О, потом, потом! Садись, будем писать...» Наверное, я как мужчина не имею права так оголять суть проблемы. Но важен результат. Как же я был строг к Анне! И она терпела... Что ж, ведь это так: хочешь пи-

сать — пиши, но знай, что у этого дяденьки трудный характер...

— О, нет-нет! Я хочу еще раз вас поблагодарить. Потому что вы точно такой, как ваша жена. Когда я позвонила в первый раз, она с ее ангельским характером сказала все, что нужно: «Он занят, он болен, он уехал, приезжайте через год...» А потом, когда почувствовала, что я теряю надежду: «Дорогая, это же ваша работа... Позвоните завтра». Ах, сколько еще их было, этих «завтра»? И вот — наконец, о счастье! «В четырнадцать ноль-ноль, в новом здании МХАТа!» И конечно — опоздала! На пять минут! А там такси уже на парах, и он выходит, бедный... Меняется в лице — князь Мышкин при виде хромоножки... И вместо обещанных двадцати минут — Час! И еще — репетиция «Господ Головлевых»...

— Не могу сказать, что все артисты совсем сумасшедшие, но есть сдвиг. Люди ведь как? Стараясь жить спокойно. А вот тание, как мы, словно стремятся все время терзать себя, это какой-то кошмар! Когда меня не утвердили на первую мою роль в Москве — ведь не спал недели две! Потом, подкупивши кого надо шоколадом, увидел пробу счастливого

соперника и убедился, что моя много выше — меня же разрывало! Неужели я не смогу излить это все?! Два года воевал, был в плену, бежал, попал к партизанам — и только потому не валил лес, а работал на периферии. Нас, таких «счастливчиков», собирали по положению № 39 — в стольких городах не разрешалось проживать, каждые две недели — отмечаться. И притом воевал ведь честно, лез туда, куда бы теперь не полез. Правда, 3—4 октября был на площади перед Моссоветом... Но дело не в этом, а в том, что сцена — это и трибуна, откуда можно влезть в душу другим людям! Это мне не приходило в голову на периферийной сцене, потому — в Москву! Рост — 184, вес — 51...

— Все это — словесная часть книги. Но я большое значение придавала фотографиям. И вот накануне Нового года получаю бандероль с тридцатью снимками! А всего их здесь двести, потому такая дорогая книга, и поэтому тоже чудо! Сейчас вообще трудно издавать, еще труднее — об искусстве, и особенно — о русском искусстве: государство политически уже не заинтересовано, коммерческого успеха не будет... И! пришло мне в голову однажды: надо сделать акцию со Смоктуновским! И вот был

вечер Пушкина, который не забыть...

— Эта книга — четвертая. Польскую я не смог закрыть, а в Петербурге издала Елена Горфункель — ни разу я не встречался с ней. Называется простенько, но со вкусом: «Смоктуновский» — большими буквами. Изабелла Росселлини во время съемок «Осады Венеции» — плохой получилась фильм — увидела ее в витрине гостиницы «Украина»: «О-о!» — «Да, отвечаю, я иногда бываю велик...» А эта книга — хорошая, хоть и дорогая. Если вам будет грустно по вечерам, прочтите несколько страниц — грусть пройдет. Если не спится — те места, где обо мне как о человеке — и скоро уснете. Потому что более доброго человека трудно найти...

«— Так вам нравится такая женщина, князь?..»

— Удивительное лицо! — ответил князь, — и я уверен, что судьба ее не из обыкновенных. Лицо веселое, а она ведь ужасно страдала, а? Об этом глаза говорят, вот эти две косточки, две точки под глазами в начале щек. Это гордое лицо, ужасно гордое, и вот не знаю, добра ли она? Ах, кабы добра! Все было бы спасено!

Цитировал
И. СЕМИН.